

vix, Domna, Latinus»*. Короче, этот молодой человек хотел изучать греческий. Очарованная его речью, Гедвига обняла его, усадила за стол и принялась обучать греческому языку, а он в знак благодарности декламировал ей латинские стихи. При расставании Гедвига подарила ему книгу Горация и несколько других. Так что Аржантей не был первым монастырем, где женщина — к примеру, Элоиза — могла учить латынь.

Подобные факты мало говорят о философской мысли средних веков, но они рассказывают об обстановке, в которой эта мысль зародилась. Мы получим совершенно ложное представление о IX—X веках, если будем судить о них в терминах собственно истории философии. В те времена значительные теологи и метафизические доктрины отсутствуют, а творчество Скота Эриугены остается исключением, но это лишь оборотная сторона живой классической культуры. Во Франции один из учеников Герберта Орильякского — Фульберт Шартрский (ум. в 1020) дал школам Шартра мощный толчок к развитию, который превратил этот город в самый авторитетный центр гуманизма XII столетия. С конца X века Франция начинает возвращать Англии то, что получила от нее в начале IX века. Уже не в Йорке, а во Флери-сюр-Луар учится Освальд, умерший в 992 г. Йоркским архиепископом, и подобно тому, как Алкуин некогда возвращался в Йорк как в закрытый для посторонних Сад изящной словесности и Город книги, так теперь направляется во Флери Освальд, когда ему было нужно пригласить Аббона преподавать монахам в аббатстве Рем-си, основанном в 969 г. Чтобы лучше убедить самих себя в том, что они продолжают дело древних, французы решают объявить своими предками троянцев. Эта легенда, впервые появившаяся в VII веке в «Хронике Фредеге-ра», была в VIII веке повторена в «Истории франков» («Liber historiae Francorum») и «Истории лангобардов» («Historia Lango-bardorum») Павла Диакона**, распространялась в IX веке посредством «Хроники из Му-ассака» («Chronique de Moissac») и «Фран-

цузской хроники» («Chronicon de Francis») Адо (ум. в 874), была воспроизведена в «Деяниях франкских королей» («De gestis rerum Francorum») Эмуена из Флери (Aimoïn de Fleury, ум. в 1008), пока не пересеклась с «Деяниями франков» («Gesta Francorum») Рорика из Муассака (ум. ок. 1100) и благодаря «Франсиаде» Ронсара продолжала свое существование вплоть до XVII века, когда Лейбниц взял на себя труд написать книжицу с ее опровержением.

Эта неотвязная мысль об античности, свойственная в X веке церковным и монастырским школам Германии и Франции, так обострялась в некоторых умах, что приводила к жертвам; правда, это происходило в Италии. В числе событий, предшествовавших наступлению Тысячного года, «Пять книг по истории» («Historiarum libri quinque») Пауля Глабера повествуют о странном еретическом движении, начало которому положил около 970 г. некий Вильгардо из Равенны. Этот Вильгардо был увлечен изучением грамматики, в чем нет ничего удивительного, поскольку он был итальянцем, а итальянцы, согласно интересному замечанию Глабера (кн. II, гл. 12), всегда были готовы пренебречь другими искусствами ради грамматики: *Italismos semper fuit artes negligere ceteras, illam sectari*. Это замечание не распространяется на все средневековье, ибо Италия была родиной музыканта Гвидо д'Ареццо (ок. 995—1050), автора «Книжицы о наставлении в искусстве музыки» («Micrologus de disciplina artis musicae»), трактата «О неизвестном пении» («De ignoto cantu») и, возможно, анонимного трактата «Как музыка возникает из арифметики» («Quomodo de arithmetica procedit musica»); однако относительно музыки в то время, когда писал Глабер, согласно замечанию Рише в его «Хронике» (доведена до 995 г.), установлено следующее: «Et quia musica et astronomia in Italia tunc penitus ignorabantur»***. Чтобы ничего не преувеличивать, повторим вслед за Гозбертом: «Италия дружит с грамматикой» («amica grammaticae Italia») (R. Manitius. Bd. II, S. 674).